

В. А. Прищепова

ФОТОИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И. И. ЗАРУБИНА В СОБРАНИИ МАЭ РАН

АННОТАЦИЯ. Крупнейший востоковед-иранист И. И. Зарубин в 1914–1916 гг. совершил экспедиции на Памир. Исследователю удалось собрать интересный этнографический материал. В музей он привез коллекции негативов по горным народам. Фотоколлекции И. И. Зарубина стали в собрании музея первыми изобразительными материалами по народам Памира и до сих пор не были опубликованы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фотоколлекции, собрания МАЭ, И. И. Зарубин, Средняя Азия, экспедиция, этнография.

ПРИЩЕПОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА — канд. ист. наук, с.н.с., отдел этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: vapr@kunstkamera.ru

УДК 069.5:39

DOI 10.31250/0131-3703-2019-66-51-78

В конце XIX — начале XX в. музей организовал первые целенаправленные экспедиции в Среднеазиатский регион для сбора этнографических предметов, в связи с чем в МАЭ начали систематически поступать коллекции. В этот период значительные коллекционные сборы передали И. И. Зарубин, С. М. Дудин, К. В. Щенников, А. Н. Самойлович и др. Тогда же началось постоянное пополнение фонда иллюстративных материалов. Благодаря сотрудничеству собирателей с музеем была создана первоначальная дореволюционная иллюстративная коллекция по рассматриваемому региону.

В 1914–1916 гг. начинающий в те годы исследователь, а впоследствии крупнейший ученый, востоковед-иранист Иван Иванович Зарубин совершил уникальные по научным результатам экспедиции к народам Памира, организованные на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, деятельность которого способствовала планомерному сбору коллекций для МАЭ и потому заслуживает внимания, чтобы сказать о нем несколько слов.

Согласно постановлениям международных конгрессов ориенталистов, в 1903 г. был учрежден Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этно-

графическом отношении (1903–1918). Он имел местные комитеты в отдельных странах. Центральным был признан Русский комитет, ставивший целью изучение и охрану сохранившихся памятников материальной культуры и духовной жизни народов Средней и Восточной Азии в лингвистическом и этнографическом отношении. Русский комитет снарядил большое количество экспедиций, материалы которых передавались главным образом в Азиатский музей и МАЭ. Первая мировая война приостановила, но не прекратила его деятельность.

В Бюро Русского комитета входили академик В. В. Радлов — председатель (позже — С. Ф. Ольденбург), академик В. В. Бартольд, профессора В. А. Жуковский и Л. Я. Штернберг. Деятельность Русского комитета теснейшим образом связана с МАЭ, многие командированные им лица получали инструкции и проходили подготовку в музее (История АН СССР 1964: 6305; Императорская АН 1917: 21; Известия АН 1915: 192). Особенно интенсивно Комитет работал в 1903–1914 гг., в частности, организовал значительные по своим итогам экспедиции в Среднюю Азию. В эти годы большинство азиатских коллекций МАЭ пополнялось сборами экспедиций Комитета.

Русский комитет не только осуществлял руководство многочисленными поездками отечественных исследователей, но и содействовал установлению сотрудничества между русскими и зарубежными ориенталистами. Так, в 1914 г. на одном из заседаний рассматривалось предложение профессора Э. Сенара об организации совместной франко-русской экспедиции в припамирские области с целью лингвистических и этнографических исследований. К. Г. Залеман, В. В. Радлов, Л. Я. Штернберг, С. Ф. Ольденбург и В. В. Бартольд выступили за проведение этой экспедиции и высказали пожелания по поводу ее состава (Известия Русского комитета 1914: 53–54).

Такая экспедиция открывала для исследований новые области, например Припамирье, по народам которого в фондах МАЭ практически отсутствовали собрания. Коллекционные сборы в этом районе музей поручил И. И. Зарубину. Он был проинструктирован о комплектовании необходимых экспонатов и сопровождающих этнографических исследованиях.

Для 27-летнего И. И. Зарубина эта поездка была первым знакомством не только с Памиром, но и вообще со Средней Азией. Готовясь к экспедиции, он изучал таджикский язык. До этого, будучи студентом Петербургского университета, И. И. Зарубин имел опыт полевой работы в этнологической экспедиции на Дальнем Востоке под руководством Л. Я. Штернберга (Стеблин-Каменский 1993: 139–142).

Экспедиция на Памир летом 1914 г. была совместной — И. И. Зарубина и руководителя экспедиции видного французского ираниста Робера Готье, который еще в 1913 г. вместе с немецким лингвистом Г. Юнкером был у ягнобцев в верховьях Зеравшана. Летом 1914 г. И. И. Зарубин и Р. Готье проводили лингвистические работы, антропологические измерения населения области р. Бартанга, исследовали брачные обычаи, формы наследования и религиозную жизнь населения. Они собрали коллекцию по быту и культуре таджиков долины Бартанга и Рушана. Приобретенные предметы были снабжены подробными объяснениями и описаниями, иллюстрированы многочисленными фото-

графиями. Предполагалось, что дальнейшие сборы будут продолжаться еще два года. Однако для Р. Готье эта поездка на Памир оказалась последней: вскоре (во время войны) профессор Р. Готье погиб.

Французский иранист Р. Готье, под руководством которого И. И. Зарубин работал в своей первой экспедиции на Памир и у которого выучился методике сбора полевых лингвистических материалов, подарил музею небольшую коллекцию негативов по горным таджикам, как называли в те годы многочисленные памирские народы, говорившие на разных языках, из районов Нагорной Бухары (МАЭ № 2860). К сожалению, отсутствуют отпечатки к коллекции, о ее содержании можно судить лишь по краткой описи. В основном на негативах запечатлены горные пейзажи, которые участники экспедиции наблюдали в пути.

Несмотря на непродолжительность поездки, молодому ученому И. И. Зарубину в 1914 г. удалось собрать интересные этнографические материалы. В музей он привез две коллекции негативов по горным таджикам, рушанцам, которые сделал в долинах рек Бартанга и Пянджа (МАЭ № 2371, 2372).

Собиратель запечатлел местность, по которой проходил путь экспедиции, Памирское плоскогорье, горные реки Муксу и Бартанг, хребет Петра I с юртами кочевников-киргизов, установленных по его склону, и могилы — кучки камней с воткнутыми в них древками (рис. 1).

На мелких отпечатках, так называемых контрольных, можно рассмотреть, как через перевалы горными тропами движется вереница из пяти груженных лошадей, с всадниками в начале и конце группы (рис. 2). Переход участников экспедиции проходил по военной дороге от Оша до Памирского поста и дальше до верховьев реки Лянгарсай, Хорогского поста и кишлака Пасхуф (МАЭ № 2372-19).

Рис. 1. Кочевья бухарских киргизов по склонам хребта имп. Петра I. Стереоскопический негатив. Памир, долины Бартанга и Пянджа. Горные таджики. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-182

Рис. 2. Вид по военной дороге, идущей через Памирское плоскогорье от г. Оша до Памирского поста. Стереоскопический негатив. Памир, долины Бартаंगा и Пянджа. Горные таджики. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-3

Запечатлены крутые скалы вдоль реки Пяндж и работа отряда русских саперов, прокладывавших путь среди отвесных гор в Дарвазе (рис. 3).

На снимках, сделанных в Северном Дарвазе, изображены спешившиеся путешественники, осторожно переправляющиеся на другой берег через мосты — охапки жердей и хвороста, переброшенные через горные реки (рис. 4).

С точки зрения истории иллюстративной коллекции музея и современного уровня развития визуальной антропологии снимки И. И. Зарубина выполнены непрофессионально, технически несовершенны и не соответствуют критериям фотографии как этнографического источника, несмотря на то что собиратель был блестящим этнографом.

В те же годы, когда И. И. Зарубин передал в музей свои фотоколлекции, в МАЭ поступало много фотоматериалов из разных источников (вследствие изобретения и развития фотографии появилась мода на этот вид изобразительного искусства), при этом о качестве снимков речь не шла. Низкоквалифицированное исполнение большинства снимков в конце XIX — начале XX в. было характерно для фотоколлекций многих музеев.

С точки зрения С. М. Дудина, основоположника научного этнографического фотографирования в России, фотоколлекцию МАЭ характеризовали «бедность, неполнота, односторонность и нехудожественность фотографических снимков, посвященных этнографическим темам», что было обычным явлением не только для провинциальных, но и для крупных столичных музеев (Дудин 1921: 31). Одной из причин поступления в музейные фонды фотоколлекций

Рис. 3. Работа русских саперов по разработке дороги в Дарвазе. Стереоскопический негатив. Памир. Памирцы. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-162

Рис. 4. Типы мостов через горные речки в Северном Дарвазе. Стереоскопический негатив. Северный Дарваз. Горные таджики. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-174

низкого качества С. М. Дудин считал отсутствие специальной литературы по выполнению фоторабот для научных исследований.

Тем не менее в собрании музея фотоколлекции И. И. Зарубина стали первыми изобразительными материалами по народам Памира. До настоящего времени эти кадры не были опубликованы. Эти фотоколлекции по памирским народам хранятся в виде негативов, и в большинстве случаев судить об их содержании можно только по кратким описям, составленным собирателем. Поэтому, обращаясь к изобразительным материалам исследователя, мы как бы вместе с ним, его глазами, открываем повседневную жизнь памирцев начала XX в.

При работе с полевыми материалами 1914–1916 гг. И. И. Зарубина нельзя забывать о том, что экспедиции проходили в очень сложных и опасных условиях. К тому же для выполнения фотографических работ (сделана почти 1000 кадров!) необходимо было заранее подготовить снаряжение, везти с собой огромный багаж со штативом, громоздким фотоаппаратом, ящики с тяжелыми стеклянными пластинами и другими вещами.

Горные переходы требовали от людей серьезной физической подготовки, способности переносить длительные нагрузки, в том числе на высоте. Проводникам из местных жителей были известны горные тропы, непроходимые места, бездорожье, склоны и подъемы, однако путешественников подстерегало много неожиданностей вроде камнеопасных участков, снегопадов, ограничения видимости.

И. И. Зарубин фотографировал разрушенные рабаты — Маркансу, Музкол, Сасыкуль и другие сводчатые сооружения без окон, с одной дверью, которые встречал на протяжении своего маршрута (рис. 5). На снимках около рабатов стоят оседланные кони, на большом камне табличка с написанным по-русски названием урочища и указанием расстояния до Памирского поста. Рабаты были построены в конце XIX в. и предназначались для ночлега русских пеших военных частей. Они состояли из нескольких помещений — для солдат, офицеров и очага. Располагались рабаты один от другого в пределах однодневного пешего похода. На Памире И. И. Зарубин постоянно встречал священные деревья-мазары, которые почитались с доисламского времени. В народной традиции до настоящего времени сохранился культ деревьев (Терлецкий 2014).

В 1914 г. И. И. Зарубин посетил старинный кишлак Орошор, который позже стал называться Рошорв. Он раскинулся на широком плато в долине реки Бартанг, общий вид которого исследователь попытался сфотографировать, но снимок получился мелким, поэтому строения почти не видны. Но по изображению можно представить, что вокруг кишлака много земли и она занята полями. В кишлаке проживала локальная группа бартангцев, населявших высокогорную долину Бартанга, — орошорцы. В Орошоре И. И. Зарубин сфотографировал его жителей — мужчин и подростков, на отдельных кадрах — женщины.

В советские годы самый большой кишлак в округе Рошорв стал центральным колхозом «Социализм», о чем упоминал писатель П. Лукницкий во время путешествия по Памиру (Лукницкий 1955).

Приблизительно в двадцати километрах от Орошора, в низовьях Бартанга, находился кишлак Басид, который был известен своим мазаром (рис. 6). И. И. Зарубин сфотографировал святое место, расположенное на холме. Мазар

Рис. 5. Рабаб Сассык-куль. Стереоскопический негатив.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2499-70

Рис. 6. Вид с. Басид. Стереоскопический негатив. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-80

Рис. 7. Дом шейха в сел. Басид. Памир. Горные таджики.

И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-47

представлял собой небольшое длинное низкое строение с плоской крышей, открытой дверью и окошком наверху. Отдельно исследователь зафиксировал очаг перед мазаром (рис. 7–9).

В кишлаке Басид И. И. Зарубин также сфотографировал дом шейха, который, по всей видимости, следил за мазаром. На кадре сохранилось изображение низкого строения с открытой дверью и окошком наверху. Около дома — большие деревья, рядом — вспаханное поле. В этом же кишлаке исследователь запечатлел танцующих мужчин, в том числе одного из них, переодетого в женщину, окруженных толпой зрителей (рис. 10).

В кишлаке Басид находилась кузница, которую собиратель сфотографировал на нескольких кадрах (рис. 11). На открытом воздухе сидят двое мужчин, рядом видны инструменты мастера. Вместе с кузнецом работал подмастерье. В своих полевых материалах И. И. Зарубин отмечал, что на Памире ремесло кузнеца считалось одним из наиболее древних, мастер пользовался огромным уважением, а кузницы почитались как культовые объекты (Васильцов 2014).

На фотографии 1914 г. запечатлены не только путевые виды от кишлака Басид до кишлака Сипонж/Сипондж, но и участники поездки, в том числе местные жители (рис. 12).

В процессе изучения сюжетов фотоколлекций И. И. Зарубина 1914–1916 гг. возникает впечатление, что они во многом перекликаются тематически и даже дополняют фотоколлекцию по Памиру 1914 г. из фондов МАЭ его современника Григория Андреевича Шпилько, выпускника Академии Генерального штаба, подполковника, начальника Памирского отряда в 1904–1911 гг. По-видимому,

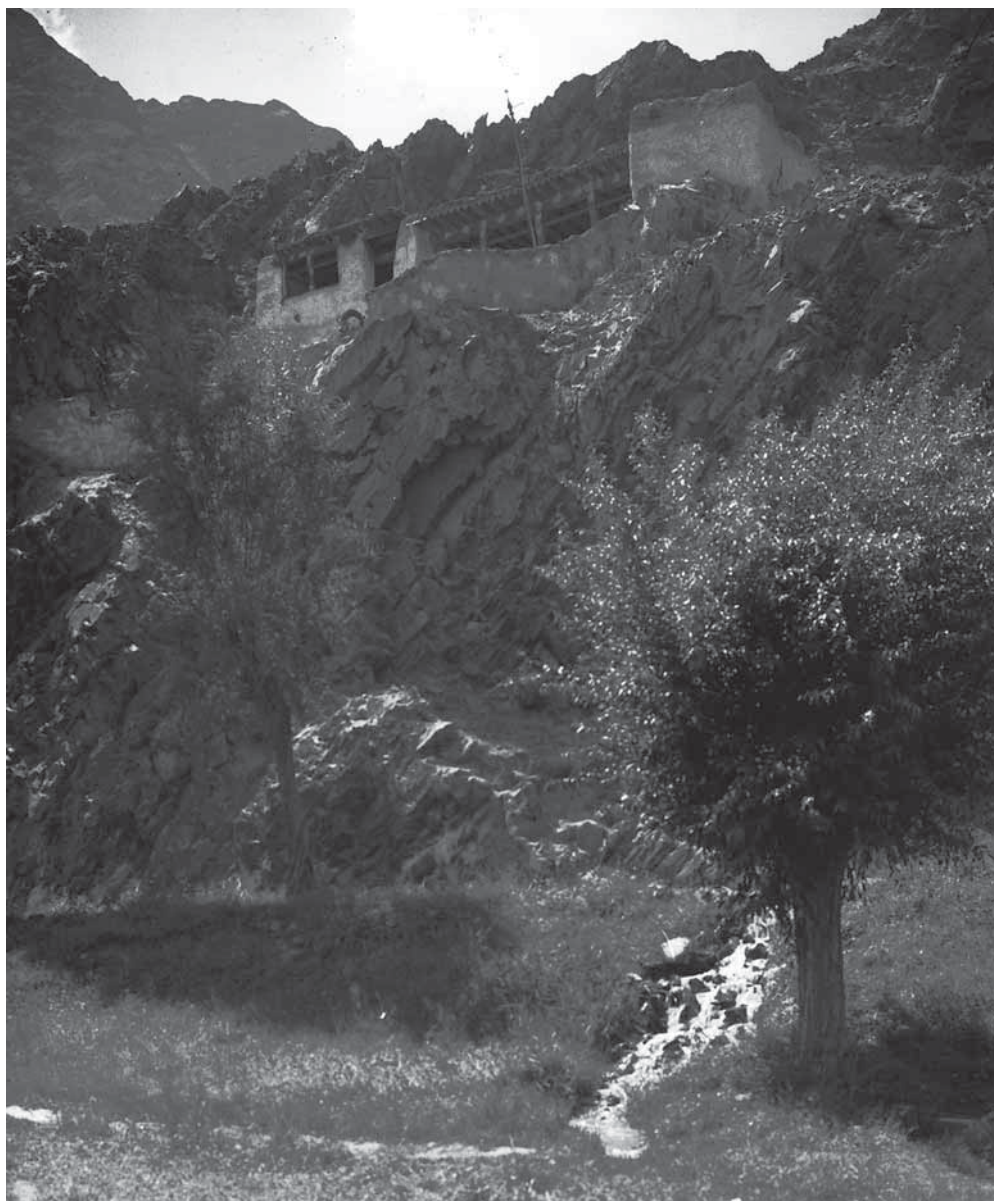

Рис. 8. Мазар (мавзолей) в сел. Басид. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-48

еще до поездки на Памир И. И. Зарубин знал о пребывании и деятельности Г. А. Шпилько в этом районе. В пользу этого предположения свидетельствует ряд кадров. Например, особое внимание привлекают снимки, которые И. И. Зарубин в 1914 г. сделал на берегу легендарного Сарезского озера, сфотографировав часть озера и панораму кишлака Ирхт с постройками и садами на берегу. Исследователь запечатлел жилые и хозяйственные постройки кишлака, сделанные из камня, а также сфотографировал его жителей, мужчин разного возраста, в фас и профиль для антропологических измерений, которые они проводили с профессором Р. Готье (МАЭ 2371-8).

Рис. 9. Очаг перед мазаром в сел. Басид, Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-51

Рис. 10. Пляска. Стереоскопический негатив. Сел. Басид, Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-97

Рис. 11. Кузница в сел. Басид, Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-53

Рис. 12. Путь от сел. Басид до с. Сипондж. Стереоскопический негатив.
Памир. Горные таджики. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-115

И. И. Зарубин знал, что с Сарезским озером связано землетрясение, произошедшее в 1911 г. на Памире, в результате которого на долину реки Мургаб обрушилась часть горы. Под завалами погиб целый кишлак Усой — 86 человек, а также весь скот. Долина реки Мургаб была перегорожена, образовалась естественная плотина, вследствие чего скопилось много воды и возникло новое озеро. В его водах погиб и другой кишлак — Сарез, располагавшийся на 10 км выше. Озеро (глубиной до 500 м) получило название от этого кишлака. При землетрясении во многих местах сошли оползни, было разрушено несколько кишлаков, в том числе Барчидив, в котором останавливался И. И. Зарубин.

С целью обследования завала, чтобы узнать, насколько велика опасность для других селений, расположенных в ущельях, в 1913 г. на Памир были направлены две экспедиции. Летом 1913 г. там побывал Д. Д. Букинич, горный инженер Туркестанского отдела земельных улучшений. Любопытно, что позже, в 1923–1924 гг., Д. Д. Букинич будет сотрудничать с МАЭ: собирать коллекции для музея, в полевые сезоны 1928–1929 гг. участвовать в Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР под руководством И. И. Зарубина.

Осенью 1913 г. эти места посетила экспедиция Г. А. Шпилько, состоявшая из двадцати казаков. О результатах исследований и о том, как проходили наблюдения за подъемом уровня воды в озере, Г. А. Шпилько сообщил в докладе, который затем был опубликован в «Известиях Императорского Русского географического общества». В МАЭ сохранилась фотография участников этой экспедиции, в том числе местных жителей, со снаряжением, мешками и корзинами (МАЭ 2818-54).

Обследование последствий землетрясения проходило в трудных условиях: горные тропы разрушены, берега озера стали настолько крутыми, что побывать на месте завала было невозможно. В фотоколлекции Г. А. Шпилько на снимке показан переход по оврингу, горной тропе в виде связанных бревен, которая проложена у стены скалы над пропастью. Конструкции оврингов могут быть разными. Как правило, в щель горы вбивали колья с подпорками, сверху укладывали жерди, палки, камни, на них — дерн. В прежние времена по таким неустойчивым тропам проходили груженные верблюды, лошади. Позже благодаря стараниям Г. А. Шпилько на ремонт наиболее трудного участка Памирской дороги были выделены средства (рис. 13).

Местные жители помогали экспедиции переносить необходимые приборы. Для обследования озера соорудили специальный плот. На нем участники экспедиции со всем имуществом переправлялись на новые стоянки, перевозили топливо, измерительные приборы, продовольствие и ночевали. На снимках Г. А. Шпилько показан плот «Памирец», на котором участники его экспедиции исследовали Сарезское озеро (МАЭ № 2818-28, 63–65).

Работы длились почти месяц, затем экспедиция вернулась в Хорог. В 1913 г. Г. А. Шпилько сообщил, что озеро достигло длины 26 км и вода уже начала просачиваться сквозь пятикилометровую толщу плотины. В 1914 г. забившие ключи, сливаясь в один поток, образовали реку, что грозило новой катастрофой. Как отмечают исследователи, «Г. А. Шпилько первым сделал смелые для того времени выводы: завал, преградивший путь реке, не прорывается, вода из

Рис. 13. Переправа по *оврыngu* (горной тропе). Сарезское озеро. Горные таджики.
Г. А. Шпилько. 1914 г. МАЭ № 2818-32

озера будет спускаться равномерно, сквозь тело плотины. Время подтвердило это. Сарезское озеро существует и по сей день» (Юсупов 1985: 53).

Сообщая о помощи местных жителей, Г. А. Шпилько упомянул среди них аксакала Кабула, который занимался наблюдением за уровнем воды в озере. В 1914 г. И. И. Зарубин также познакомился с аксакалом Кабулом, жившим

в кишлаке Барчидив. Исследователь даже на время задержался в этом населенном пункте, изучая народную архитектуру и, видимо, беседуя с Кабулом. Позже, в 1920-е годы, когда И. И. Зарубин стал заведующим отделом мусульманских народов МАЭ, он описывал аксакала Кабула как «грамотея, знатока преданий и обычаев». Во время экспедиции И. И. Зарубин сделал отдельный портрет этого примечательного человека, а также сам сфотографировался с ним, тем самым выделив его из остальной массы населения. Сохранился уникальный снимок, на котором молодой И. И. Зарубин сфотографирован во время экспедиции на Памир. Рядом с ним в халате стоит аксакал Кабул (рис. 14, 15). В наши дни мы с благодарностью за собранные материалы смотрим на молодого И. И. Зарубина, который позирует, жмурясь от яркого солнца, рядом со своим проводником и информантом Кабулом.

Рис. 14. Аксакал Кабул из сел. Барчидив. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-60

Рис. 15. Участники экспедиции с аксакалом Кабелем. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-61

Именно И. И. Зарубин запечатлел, пусть на кадрах засвеченных или снятых с далекого расстояния, селения, которые он посетил. Например, кишлак Барчидив, расположенный близ верховьев реки Бартанг. Практически на снимках видно лишь дерево среди гор, а каменные строения с плоскими крышами лишь угадываются (рис. 16). Барчидив был самым верхним кишлаком. Он расположен ближе остальных населенных пунктов к опасному Сарезскому озеру, на расстоянии около трех километров. В кишлаки, находившиеся высоко в горах, попасть можно было только пешком. К Барчидиву часть пути проходила по одному из опасных оврингов над пропастью. На этом же снимке зафиксирован специфический высокогорный рельеф местности с долинами, где в условиях сурового климата проживали рушанцы (МАЭ № 2371-17). Показано одноэтажное зимнее жилище — «хона». Материалом для постройки домов в кишлаке Барчидив, расположенном среди гор, служил камень, скрепленный глиной. На других фотографиях зафиксирован иной тип жилища, напоминающий двухэтажный дом с деревянной дверью и окнами с деревянными же рамами, но без стекол. И. И. Зарубин сумел запечатлеть народную архитектуру памирцев, в которой веками сохранялись традиции возведения жилых и хозяйственных построек.

Рис. 16. Жилище *хона* в сел. Барчидив. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-17

Внутри домов памирцев, на открытых террасах, стены часто расписывали схематичными силуэтами животных, цветами. И. И. Зарубин зафиксировал изображение сценки с всадником и фрагменты сложной росписи — образец точечного рисунка, геометрический орнамент и растительный побег (рис. 17, 18).

В 1914 г. исследователю удалось увидеть летнее жилище рушанцев, в котором они проживали, по сведениям собирателя, в течение нескольких месяцев во время полевых работ. Фотография хорошего качества, на ней отчетливо видна конструкция хижины, сложенной из плоских камней, без окон, у которой сидят двое детей (рис. 19).

Некоторые снимки коллекции 1914 г. были зарегистрированы как стереонегативы. Стереоскопические снимки получили популярность в России на рубеже XIX–XX вв. Стереофотографии изготавливали небольшими по размеру, на одном паспорту по горизонтали помещались два одинаковых снимка, смотреть на них нужно было одновременно через специальное оптическое устройство, чтобы получилось объемное изображение.

Несколько снимков И. И. Зарубин сделал в кишлаке Сипонж. На одном из них, «Ночлег на деревьях», сфотографировано устройство типа гамака, поднятое высоко на стволы деревьев, растущих во дворах домов (рис. 20).

В этом же кишлаке собиратель сделал кадр, который назвал «Мечеть в сел. Сипонж». В отличие от своих соседей — таджиков-суннитов — памирцы-исмаилиты не посещали традиционных мечетей. Их заменяли моленные дома, где они молились и изучали основы веры. Многие памирские кишлаки

Рис. 17. Орнамент на стенах террасы. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-38

Рис. 18. Орнамент на стенах террасы. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-39

Рис. 19. Летнее жилище во время полевых работ. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-25

Рис. 20. Ночлег на деревьях в сел. Сипондж. Стереоскопический негатив.
Сел. Сипонж в долине р. Бартанга. Памир. Припамирские иранцы.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-143

Рис. 21. Женщины играют на бубнах. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-30

не имели молевых домов. Крупный кишлак Сипондж в советские годы стал административным центром Бартангского района. Исторические фотографии кишлака Сипондж, выполненные И. И. Зарубиным, позволяют представить жизнь его обитателей в 1914 г. Дальнейшая судьба бартангцев сложилась так: в 1953 г. их переселили в Вахшскую долину, и вернулись назад они лишь спустя многие годы. Кишлак Сипондж существует и в наши дни.

Сюжеты фотоколлекции 1914 г. во многом повторяются, один кадр является продолжением предыдущего, при этом они могут быть зарегистрированы в разных коллекциях. Так, на нескольких изображениях двух коллекций показана игра женщин на бубнах-даф (рис. 21). Они стоят, сидят на корточках на открытом воздухе, в какой-то момент даже снимают с головы платки. Такой бубен, как на снимке, — даф иранский — является древнейшим ударным музыкальным инструментом. На фотографии хорошо видна его простая конструкция — деревянный обруч, с одной стороны обтянутый кожей животного. На снимке женщины ударяют по нему ладонями и пальцами обеих рук. Звук дафа зависит от того, на какой части инструмента играют. В некоторых случаях бубен подбрасывают, опрокидывают, что требует определенных физических усилий. В древности женщины часто играли на бубнах во время проведения ритуалов. Со временем даф стал инструментом суфиев и использовался во время духовных обрядов. Инструмент может иметь разные размеры. Обычно на больших бубнах играют мужчины во время религиозных церемоний или на праздниках. На дафе средних размеров, как показано у И. И. Зарубина, играли женщины.

Рис. 22. Сцены *худои*. Стереоскопический негатив. Сел. Басид, Памир. Припамирские иранцы. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-82

На серии снимков запечатлены сценки жертвенного угощения *худои* — мужчины, занимающиеся приготовлением ритуальной трапезы. *Худои* означает пожертвование во имя Бога (*Худо*) (рис. 22). Горцы совершали жертвенный обряд в знак готовности служить ему. Ритуальное угощение *худои* могло устраиваться во избежание несчастий и болезней. Для принесения жертвы специально откармливали выбранное животное, после заклания устраивалось ритуальное угощение *худои*. В первую очередь хозяин должен был накормить бедных и голодных.

Несколько фотографий И. И. Зарубин посвятил традиционному развлечению памирцев — борьбе на поясах *kosten*. По всей видимости, этот древний вид спорта, зафиксированный собирателем в кишлаке Басид, по набору приемов, правилам игры, методам подготовки был близок иранской борьбе *кошти* и пакистанской *кушти*. На снимках двое подпоясанных борцов держат друг друга за пояс, действуя ногами и захватами ниже пояса. Каждый из соперников пытается повалить другого и победить (рис. 23).

В коллекции имеются снимки хозяйственных построек (амбара для хлеба, мельницы), селений, старинного убежища, которое использовалось в случае нападения афганцев или киргизов, развалин крепостей и культовых сооружений.

Рис. 23. Борьба *kosten* на поясах. Стереоскопический негатив. Сел. Басид. Памир. Припамирские иранцы. И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2372-112

Собиратель изучал отдельные виды ремесел — кузнечное, ткацкое, токарное. В поле зрения исследователя оказались традиционные предметы быта, он запечатлел кадры, связанные с воспитанием детей (группа детей, портрет женщины с ребенком, колыбель) и такими традиционными развлечениями, как стрельба из лука и пляски.

Начатые в 1914 г. исследования И. И. Зарубин продолжил летом 1915 г. опять же по поручению Русского комитета. Он отправился на Памир и провел там полтора года. Эта поездка для молодого ученого оказалась очень плодотворной. Этнографические сведения, собранные И. И. Зарубиным в 1915–1916 гг., впоследствии послужили источником для многих его публикаций (История АН СССР 1964). Помимо этнографических и лингвистических материалов, он привез коллекции предметов местного культа. В 1916 г. И. И. Зарубин передал Азиатскому музею 11 рукописей исмаилитов из Рушана и Шугнана (Известия АН 1915). Часть собранных в те годы этнографических коллекций была описана и опубликована И. И. Зарубиным в статье, посвященной традиционной обуви горных таджиков долины Бартанга — пехи (МАЭ № 2352, 2674, 2780, 2682, 2779) (Зарубин 1916а: 89–94).

Позже И. И. Зарубин опубликовал еще ряд материалов о Памирской экспедиции, в которых приводятся описания маршрута, кишлаков и летних яйловок, подробные данные о пище, одежде, жилище, сведения об антропологических типах населения, ремеслах, особенно кузнечном (как наиболее почитаемом), а также о верованиях, мазарах, быте, развлечениях, местных диалектах, образцах народной поэзии (Зарубин 1916б: 144–151; 1918: 100–101; 1930: 33–30).

И. И. Зарубин собрал в припамирских областях Ферганской области и Горной Бухаре богатейшую коллекцию предметов, включавшую утварь, одежду, украшения, музыкальные инструменты, амулеты, — всего 364 предмета, характеризующих материальную и духовную культуру горных таджиков.

Во время поездки 1915–1916 гг. И. И. Зарубин изучал памирские языки и собрал значительный полевой материал. Многие из этих записей он не опубликовал и в более поздние годы. Из второй экспедиции (в Нагорную Бухару) И. И. Зарубин привез коллекцию стереонегативов (МАЭ № 2499), большую часть изображений составляют виды Памира, дороги вдоль рек Гунт и Мургаб, Алайской долины и т.д. Во время экспедиции исследователь останавливался в кишлаках, где снимал местных жителей и их жилища. Как и в предыдущую поездку, И. И. Зарубин повсеместно наблюдал развалины старинных крепостей и камни с древними петроглифами, которые также зафиксировал в своей коллекции.

Вплоть до начала XX в. у памирского населения сохранялся древний, восходящий к доисламским временам культ природных объектов — деревьев, гор, камней, пещер, водных источников, которые наделялись священными качествами и назывались *остон*. Почитаемые места считались священными, являлись местами паломничества и поклонения, здесь горцы совершали обрядовые и ритуальные действия. Отдельные камни могут иметь необычную форму, напоминать людей или животных, на них могут быть высечены рисунки, знаки, надписи. В разных областях Памира широко распространена легенда о драконе, превращенном в камень. И. И. Зарубин сфотографировал в Вахане около кишлака Ширгин огромный камень, который жители называли камнем дракона. Ему, как и находящемуся рядом роднику, приписывают целебные свойства (Васильцов 2012; Терлецкий 2011, 2014) (рис. 24, 25).

Из Нагорной Бухары И. И. Зарубин привез большую коллекцию стереонегативов, на которых запечатлена жизнь горных таджиков, ваханцев, шугнанцев, ясинцев (МАЭ № 2621).

Несколько кадров коллекции И. И. Зарубина 1915–1916 гг. связано с последним шугнанским правителем Юсуф-Али ханом. Современники по-разному характеризовали правителя — как тирана и как добродетельного человека, отмечали его авторитет среди населения. И. И. Зарубин сфотографировал надписи и изображения на скалах вдоль реки Гунт недалеко от развалин тупхона Юсуф-Али хана (тупхона — высокие башни в долине реки Гунт, в пограничных с киргизами селениях, где в случае набега отсиживались люди).

С гибелью Юсуф-Али хана связывают следующую историю. Летом 1882 г. на Памир приехал путешественник доктор А. Э. Регель. Он получил приглашение от Юсуф-Али хана и был хорошо принят правителем Шугнана. Афганский эмир Абдур-Рахман, опасаясь занятия русскими Рошана и Шугнана, приказал генералам начать боевые действия против хана. После битвы Юсуф-Али хана взяли в плен, отправили в Кабул и казнили.

Во время экспедиции И. И. Зарубин познакомился с сыном Юсуф-Али хана Акбар-Али ханом и сфотографировал его — это мужчина средних лет в небольшой белой чалме, европейском костюме-тройке и белой рубашке с галстуком. В «Истории Шугнана» сообщалось, что сын последнего шугнанского правителя был миром Рошана (История Шугнана 1916) (рис. 26).

Рис. 24. Каменный дракон близ Шергина. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1915–1916 гг. МАЭ № 2621–276

Рис. 25. Камень с изображением и надписью выше сел. Сучан на Гунте. Памир.
Горные таджики. И. И. Зарубин. 1915–1916 гг. МАЭ № 2499–23

Несколько фотографий И. И. Зарубин в 1915–1916 гг. сделал недалеко от кишлака Барчадив, на них, по его словам, изображена «китайская кумирня» до и после раскопок. По мнению некоторых исследователей, этот памятник является фрагментом буддийского храма (Васильцов 2014: 194) (рис. 27).

Рис. 26. Сын последнего шугнанского хана Юсуф-Али хан. Стереоскопический негатив. Горный Бадахшан. Шугнанский район. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1915–1916 гг. МАЭ № 2621-274

Рис. 27. Китайская кумирня. Стереоскопический негатив. Барчидив. Памир.
И. И. Зарубин. 1915–1916 гг. МАЭ № 2621-61

Рис. 28. Развалины сияпушской крепости близ Наматгута.
Стереоскопический негатив. Припамирье. Вахан. Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1915–1916 гг. МАЭ № 2621-160

Внимание И. И. Зарубина привлекали развалины древних крепостей в горах. На нескольких кадрах исследователь запечатлел остатки сияпушских крепостей. Видны входные проемы, деталь кладки стены из плоских камней (рис. 28). Примечательно, что позже, в 1918 г., И. И. Зарубин занялся оформлением музейных документов на вещи, собранные в августе 1914 г. на Памире и переданные музею Г. А. Шпилько. И. И. Зарубин сам регистрировал эту коллекцию, она состояла из разных предметов, как бы случайно найденных. Например, в нее входил железный наконечник стрелы, «найденной в развалинах старой крепости, приписываемой местным населением сияпушам (кафирам)» (МАЭ № 2677). Легенды о сияпушах («покрытых черным»), которых мусульмане называли так из-за традиционных черных одежд, до сих пор бытуют на Памире. Их считали языческими горцами, кафирами, они активно сопротивлялись насильственным попыткам обращения в ислам, но постепенно ислам прочно вошел в их жизнь. На нескольких снимках И. И. Зарубин запечатлел развалины сияпушских крепостей. Одна из них находилась близ Наматгута (рис. 29).

По мнению К. С. Васильцова, изучавшего историю исмаилизма в Бадахшане, сияпушами называли огнепоклонников доисламских правителей Вахана, которые носили черную одежду. В различных местах Западного Памира до сих пор встречаются развалины крепостей доисламских правителей, из которых самой знаменитой является Кала-йи-Ках-Каха у кишлака Намадгут. Крепость была названа по имени правителя (Васильцов 2014: 194–195).

Рис. 29. Развалины старой крепости «Кала». Памир. Горные таджики.
И. И. Зарубин. 1914 г. МАЭ № 2371-42

Уникальные фотоколлекции И. И. Зарубина положили начало целенаправленному изучению Памира. Только стеклянных негативов насчитывалось около 900 единиц. На снимках запечатлены почти все стороны культуры и быта местного населения, традиционные занятия и ремесла. В коллекцию вошли фотокадры домашней утвари, типов жилищных и хозяйственных построек, образцы мужской, женской и детской одежды. Во время экспедиции И. И. Зарубин интересовался не только материальной культурой, но и общественной и культурной жизнью изучаемого народа, религиозными обычаями, народными праздниками и развлечениями.

После 1917 г. в деятельности отдела мусульманских народов Средней Азии МАЭ начался новый этап. В 1918 г. его возглавил уже известный к тому времени этнограф и лингвист И. И. Зарубин. В 1920-е годы, еще до возобновления экспедиционных поездок в Среднюю Азию, коллекции МАЭ продолжали пополняться во многом благодаря активной музейной и собирательской работе И. И. Зарубина, его широкому кругу знакомств, научным связям на местах, обширной переписке с коллегами. В 1925 г. отдел мусульманских народов Средней Азии был переименован в отдел Передней и Средней Азии. И. И. Зарубин объяснял это тем, что еще при директоре музея академике В. В. Радлове была признана необходимость в усилении музейной и исследовательской работы МАЭ по изучению народов мусульманской культуры, для чего был образован специальный отдел мусульманских народов Средней Азии. Однако, как посчитали позже, это название не соответствовало содержанию деятельности отдела, «ибо в нем представлены народы немусульманские и выходящие за пределы

Средней Азии. Почему считал бы желательным присвоить отделу наименование отдела Передней и Средней Азии», — писал И. И. Зарубин в записке, представленной в Совет МАЭ в марте 1925 г. (СПбФ АРАН. Оп. 1. 1925 г. Д. 5. Л. 128).

Несмотря на то что в 1920-е годы не удалось должным образом наладить деятельность отдела, собирательская работа все-таки велась, хотя и довольно скромно. Невозможность совершения поездок с исследовательскими и собирательскими целями отдел старался возместить отдельными покупками, а также привлечением к работе специалистов и краеведов, иногда из представителей соответствующих народов. Этому способствовал и тот факт, что в начале 1920-х годов сотрудники музеев Академии наук стали выезжать на места для практической работы. Так, в мае 1923 г. ученый хранитель И. И. Зарубин был командирован в Бухару для организации там этнографического музея (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1а. 1923 г. Д. 172. Л. 145). Исследователь Зарубин с целью пополнения музейных фондов и научной документации коллекций многие годы поддерживал традиции сотрудничества МАЭ с корреспондентами на местах, как это делалось в музее до 1917 г.

И. И. Зарубин так охарактеризовал значение периода до середины 1920-х годов в истории отдела: «Все перечисленные предприятия отдела, как более значительные, так и мелкие, направлены к посильному осуществлению одной цели — созданию исследовательской ячейки по этнографии Ближнего Востока (как советского, так и зарубежного) при Академии наук, в чем особенная потребность ощущается именно в Ленинграде, являющемся крупнейшим востоковедным центром в области филологии, языкознания и искусства» (Ф.142. Оп. 1. 1926 г. Д. 7. Л. 10).

Список источников и литературы

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 142. Оп. 1. 1926 г. Д. 7; Оп. 1. 1925 г. Д. 5; Оп. 1а. 1923 г. Д. 172.

Васильцов К. С. «Быкочеловек», пророк Дауд и священные кузницы: несколько замечаний по поводу двух фотографий из коллекции И. И. Зарубина // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. (Сб. МАЭ. Т. LIX). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 6–16.

Васильцов К. С. Из истории исмаилитского призыва в Бадахшане // Таджики. История, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 190–210.

Васильцов К. С. Природные места поклонения Западного Памира // Центральная Азия: традиции в условиях перемен. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 205–243.

Дудин С. М. Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный сборник. 1921. № 1, 2. С. 31–53.

Зарубин И. И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской академии наук. (Сборник МАЭ. Т. III). Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1916а. С. 89–94.

Зарубин И. И. Путь с р. Язгулем, р. Бартанга и р. Гунт // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Ташкент, 1916б. Т. XII, вып. 2.

Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). (Сборник МАЭ. Т. V, вып. 1). Пг.: Тип. Российской академии наук, 1918. С. 97–146

Зарубин И. И. Орошорские тексты // Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции. Вып. VI. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930.

Известия Академии наук, историко-филологическое отделение. СПб., 1915. Т. IX. № 7.

Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. СПб., 1913, 1914.

Императорская Академия наук 1889–1914. Т. II: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917.

История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1 (1724–1803); 1964. Т. 2 (1803–1917).

История Шугнана / пер. А. А. Семенов. Ташкент: Полиграфия канцелярии генерал-губернатора, 1916. 138 с.

Лукницкий П. Н. Путешествия по Памиру. М.: Молодая гвардия, 1955. 502 с.

Стеблин-Каменский И. М. Первое путешествие И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1993. Вып. 1. С. 151–156.

Терлецкий Н. С. К вопросу о почитании деревьев у таджиков (культ кипариса в контексте мусульманской практики паломничества и поклонения) // Таджики. История, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 211–239.

Терлецкий Н. С. Остон, «разрешающий затруднения (некоторые сведения об одном из мест паломничества и поклонения Западного Памира) // Иран-наме. 2011. № 1 (17). С. 146–157.

Терлецкий Н. С. Сулейман-Тоо в фотоколлекциях МАЭ // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. (Сб. МАЭ. Т. LIX). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 287–308.

Юсупов Ш. Исследователь Сареза Г. А. Шпилько // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. 2. С. 50–57.

PHOTO COLLECTIONS OF I. I. ZARUBIN IN MAE RAS

ABSTRACT. I. I. Zarubin, the famous Russian specialist in Iranian studies, made expeditions to the Pamirs in 1914–1916. The researcher succeeded to collect interesting ethnographic material. He brought a collection of photo negatives of mountain people to the Museum. Photo material by I. I. Zarubin became the first illustrative material of the peoples of the Pamirs in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences collections which was practically not published yet.

KEYWORDS: photo collections, collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, I. Zarubin, Central Asia, expedition, ethnography.

VALERIJA A. PRISCHEPOVA — Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Department of Central Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vapr@kunstkamera.ru